

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

И.И.Жеребцова

«ЦЕНТР, ГДЕ СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ ОБЩЕСТВО» (Ярмарки на европейском Севере России в середине и второй половине XIX века)

Как способ торговли ярмарки в России распространяются с XVI в. Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. они играют ведущую роль в сфере внутренней торговли страны и связывают всю страну не только в экономическом, но также в информативном и культурном смыслах. В конце XIX – начале XX в. ярмарки начинают постепенно терять свое значение, уступая место стационарной торговле.

Особое значение ярмарки имели на европейском Севере России в силу сезонного характера производства и сбыта главных ярмарочных товаров, слабого развития сухопутных путей и средств сообщения, рассредоточенности населения на огромной территории. Наиболее интересны и показательны для характеристики ярмарок европейского Севера России середина и вторая половина XIX в. – период расцвета данного вида торговли, когда уже окончательно оформились основные черты ярмарок как совершенно особого в сфере внутренней торговли страны явления.

В середине XIX в. на европейском Севере России проводилось около 110 ярмарок, в том числе в 1853 г. в Архангельской губернии 9 ярмарок [1], в Вологодской губернии – 101 ярмарка [2]. В этот период их количество продолжало увеличиваться, и к 1861 г. в Архангельской губернии насчитывалось 13 ярмарок [3], Вологодской губернии – 150 [4]. Столь быстрое увеличение числа ярмарок – в полтора раза менее чем за десять лет – свидетельствует о том, насколько значимы и востребованы были они в жизни региона. Самой известной и крупной на европейском Севере России являлась Маргаритинская ярмарка, ежегодно проходившая в Архангельске с 1 по 30 сентября. Она, а также Крещенская в Вологде, ежегодно проводившаяся с 15 по 31 января, в начале XX в. принадлежали к числу главнейших ярмарок страны [5].

Возникали ярмарки по преимуществу стихийно, в тех местах, где «большое предложение» сочеталось с «большим требованием» [6]. Возникновение Маргаритинской ярмарки относится еще к тому времени, когда Архангельск, оттеснив Холмогоры, стал торговым центром. Тогда эта ярмарка не имела названия. Она стала Маргаритинской лишь с 1844 г., когда была учреждена официально вследствие прошения поморов на имя военного губернатора маркиза Траверсе [7]. По просьбе же горожан архангель-

ским губернским правлением в 1803 г. была учреждена Сретенская ярмарка в г. Шенкурске [8].

Просьбы населения официально оформить стихийно существующие ярмарки обусловлены вполне конкретными причинами. Закрепление существования ярмарки законодательно предполагало ее проведение в соответствии с установленным законом правилом, согласно которому ярмарочная торговля не облагалась никакими пошлинами. Для осуществления торга на ярмарке достаточно было купить билет, заплатить небольшую сумму за место, иногда за охрану или какие-либо другие дополнительные услуги [9]. Упомянутое прошение поморов об официальном признании ярмарки в Архангельске было вызвано притеснениями со стороны торговой депутации, требовавшей от участников ярмарки уплаты гильдейских пошлин и препятствовавшей свободной торговле [10].

Возникновение ярмарок могло быть обусловлено указами сверху. Это происходило в тех случаях, когда учреждение ярмарки являлось необходимым для развития волости, уезда или имело значение для всей губернии. Так, в 1844 г. управляющий министерством внутренних дел, ознакомившись с отчетом архангельского губернатора, внес на рассмотрение Архангельской палаты государственных имуществ вопрос об учреждении ярмарки в селе Ижма [11]. Новая ярмарка была нужна для создания благоприятных условий развития оленеводства в Ижемской, Устинской и Усть-Цилемской волостях, жители которых, согласно материалам губернаторского отчета, «терпят стеснения от сбыта оленьих кож на ярмарке в селе Кривом Вологодской губернии» [12]. После предварительного ознакомления губернских властей с мирскими приговорами крестьян Усть-Цилемской и Ижемской волостей о необходимости учреждения ярмарки, она была официально открыта, проводилась в с. Ижме с 15 февраля по 3 марта и называлась «зимняя».

К губернским властям могли обращаться представители местного самоуправления, видевшие необходимость в открытии новых ярмарок на подведомственных территориях. В 1853 г. становой пристав Мезенского уезда для активизации торговли в Запечорском крае внес на рассмотрение губернатора предложения об учреждении ярмарок в селах Усть-Цильме и Куе Мезенского уезда [13]. После ознакомления с отзывами сельских сходов Запечорских волостей, губернатор, с учетом высказанных ими предложений, утвердил указ об открытии новых ярмарок в Запечорском крае. В с. Усть-Цильма ярмарка ежегодно проходила с 10 по 20 июня, в Куе – с 16 по 25 августа. Обе ярмарки получили название «летние» [14].

Время проведения ярмарок определялось вполне конкретными условиями. На европейском Севере России, где основными предметами ярмарочной торговли для местного населения являлась продукция промыслов, ярмарки проводились с учетом сроков окончания промысловых сезонов. Так, проведение Маргаритинской ярмарки в г. Архангельске именно в сен-

тябре во многом определялось тем, что к этому времени оканчивался сезон рыбной ловли и осенний улов необходимо было реализовывать [15].

Открытие новой ярмарки без учета сроков промысловых сезонов губительно сказывалось на ее дальнейшей судьбе. Например, упомянутая Сретенская ярмарка в г. Шенкурске Архангельской губернии достаточно быстро превратилась в «череду заурядных базарных дней» [16], поскольку ярмарка по времени не совпадала с периодами крупных сезонных заготовок (дичи, рыбы), что отрицательно сказывалось на объеме товарооборота. Выставляемые же на ярмарке товары местного производства были, в основном, невысокого качества и поэтому не пользовались особым спросом у приезжих купцов, которые постепенно утратили интерес к Сретенской ярмарке [17].

Кроме сроков промысловых сезонов, при учреждении ярмарки необходимо было учитывать сезонное состояние путей сообщения. Отсутствие развитой дорожной сети являлось острой проблемой для европейского Севера России, на что неоднократно обращали внимание в своих отчетах губернаторы [18]. По этой причине больше половины ярмарок проводилось глубокой осенью или зимой, когда по замерзшим рекам, озерам и болотам прокладывались гужевые дороги – «зимники». Кроме того, к этому времени окончательно определялись излишки или недостатки промысловой и сельскохозяйственной продукции.

Часть ярмарок проводилась весной и летом, обычно в пунктах, связанных судоходными путями с районами, производящими и потребляющими ярмарочные товары. Это, например, уже упомянутая летняя ярмарка в Усть-Цильме. Использование водных путей, однако, не всегда позволяло торговцам вовремя попасть на ярмарку. Так, в 1870 г. усть-цилемское волостное правление от имени торговцев обратилось к архангельскому губернатору с просьбой расширить сроки проведения ярмарки с 10–20 июня до 28 мая–30 июня. Мотивация была следующая: торговцы нередко опаздывали к началу ярмарки по причине непредвиденных препятствий, встречающихся на продолжительном водном пути в Усть-Цильму, или, наоборот, приезжали раньше срока из-за раннего вскрытия рек и половодья [19].

Одним из следствий использования торговцами природных путей сообщения являлось то, что динамика торгового оборота на ярмарках находилась в сильной зависимости от климатических условий. Так, на Маргаритинской ярмарке в г. Архангельске объем товарооборота мог уменьшаться в случае мелководья рек (например, в 1852 г.) [20] или, наоборот, увеличиваться при большей продолжительности сроков навигации (1851 г.) [21]. Позднее наступление зимних холодов часто не позволяло торговцам вовремя попасть на ярмарку по причине не установившегося санного пути. Подобная ситуация наблюдалась в период Никольской ярмарки в 1877 г. в г. Пинеге Архангельской губернии, проводившейся ежегодно с 4 по 12 декабря [22]. Товар попортился еще до того, как попал на торги, что не позволило торговцам получить хорошую прибыль. На динамику ярмарочного торгового оборота влия-

ли ранняя оттепель, несвоевременный разлив рек, неурожай и другие природные факторы. Не свойственное зиме тепло в 1851 г. помешало многим торговцам воспользоваться санным путем и попасть на уже упомянутую Никольскую ярмарку [23]. Неурожай 1863 г. в Шенкурском уезде Архангельской губернии сказался на уменьшении числа приезжих торговцев и объема привезенного товара на Евдокиевскую ярмарку в с. Благовещенском, ежегодно проводившуюся с 25 февраля по 10 марта [24].

Рассматривая ярмарку как комплексное явление, прежде всего, необходимо отметить, что она затрагивала три очень значимых для населения страны сферы жизнедеятельности: экономическую, религиозную и сферу культуры, и одновременно являлась важным каналом формирования общественного мнения. Ярмарка привлекала массу населения содержанием универсального набора культурных ценностей в сочетании с торгово-экономической составляющей. На ярмарке любой человек, независимо от возраста и сословной принадлежности, мог найти удовлетворение как своих материальных, так и духовных потребностей. Материальные потребности удовлетворялись за счет осуществления покупок и ведения торговли. В уездных городах и, тем более, в отдаленных селениях европейского Севера России стационарная торговля была слаба и не могла полностью удовлетворить потребности населения [25]. Чиновничество, горожане, крестьяне приезжали на ярмарку лишь отчасти для развлечения, но, главным образом, для закупки на целый год разных припасов, необходимых в домашнем хозяйстве. Даже на ярмарках уездных городов европейского Севера России во второй половине XIX в. можно было приобрести такие товары, как сигары, папиросы, бумага, перья, сургуч (Благовещенская ярмарка в г. Пинеге Архангельской губернии, 1868 г.); курительный табак (русский и турецкий), часы, очки, пуговицы, куклы, игрушки, серьги, бусы, брошки, туалетные духи, душистые воды, мыло, белила, румяна и др. (Никольская ярмарка в г. Пинеге Архангельской губернии, 1868 г.) [26].

Особой популярностью на ярмарках пользовались лавки со сладостями: пряниками, кренделями, конфетами, мармеладом, сайками, коврижками и др. [27]. Здесь, в основном, толпились школьники [28] и чиновничество, которое, по замечанию современника, очень любило полакомиться сладким и дорогими закусками [29].

Типичным элементом ярмарочных дней являлись выставки с алкогольными напитками, преимущественно с водкой, а также питейные балаганы, харчевни, кабаки. Как отмечал очевидец Никольской ярмарки в г. Пинеге Архангельской губернии в 1856 г., она, «как капля воды на другую, похожа на все ярмарки: ... те же питейные дома, соблазнительно застроившие все входы и выходы города, те же питейные выставки под полотняным колоколом на бойких местах» [30]. Торговать алкогольными напитками было выгодно. На Евдокиевской ярмарке 1863 г. в с. Благовещенском Шенкурского уезда Архангельской губернии, где было открыто две харчевни и шесть выставок в водкой, «торговля оной (водкой – И.Ж.) шла успешно» [31].

Возле питейных балаганов и выставок всегда толпилось множество народу, который «при барыше и накладе напивается «донельзя», без церемоний толкается, шатается, валяется по всему базару и «любезными» русскому люду словами «угощает» встречных и поперечных», — писал очевидец Сретенской ярмарки середины XIX в. в г. Шенкурске Архангельской губернии [32]. «Где ярмарка и выставка с водкой, народ не долго бодрится и церемонится, еще до обеда иной налижется донельзя... Старшие перепиваются и заводят ссоры, чешут друг другу морды, без чего праздник не обходится, и угощают посетителей праздника», — делился своими наблюдениями другой очевидец Сретенской ярмарки 1865 г. [33]. Выставки «с питьями» функционировали все время ярмарки и убирались только с ее завершением. Особого рода развлечением на время ярмарки было и посещение кабаков, которые играли роль народных клубов и, в то же время, биржи, где совершались разные сделки [34].

Иными словами, представитель любого сословия и любой возрастной категории мог найти на ярмарке то, что ему было необходимо. «Ярмарочный дом составляет в настоящее время центр, где по обыкновению сосредотачивается наше общество», — писали об одной из ярмарок в 1853 г. «Вологодские губернские ведомости», — «как бы ни разнородны и ни прихотливы были бы требования, остается только иметь деньги, а удовлетворение готово» [35].

Удовлетворение духовных потребностей населения во время ярмарки происходило за счет участия в различных религиозных действиях и народных гуляниях. Религиозная составляющая очень органично вписывалась в ярмарочную структуру. Ярмарки практически всегда получали свои названия соответственно с религиозными праздниками или днями почитания Святых, приходившимися на время ярмарки: Благовещенская ярмарка в г. Лальске Вологодской губернии (20–25 марта), Крещенская ярмарка в Грязовецком уезде Вологодской губернии (5–7 января), Покровская ярмарка в селе Преображенском Вологодской губернии (25 сентября – 2 октября) [36] и др. Часто ярмарки проводились при монастырях и церквях, что, особенно в дни религиозных праздников, обеспечивало массовый приток народа. Например, при Маслянской Покровской церкви (1–2 октября, Вологодский уезд Вологодской губернии) проходила Покровская ярмарка; при Богоявленской Раменской церкви (5–7 января, Грязовецкий уезд Вологодской губернии) — Крещенская ярмарка; при Покровском монастыре (4–7 декабря, Кадниковский уезд Вологодской губернии) — Никольская ярмарка и т.д. [37].

В ярмарочные дни религиозные действия вполне естественно вписывались в общий ход ярмарки. Так, открытие в 1804 г. Сретенской ярмарки в г. Шенкурске Архангельской губернии в день Сретенья Господня было ознаменовано крестным ходом, в котором принимали участие духовенство и горожане. Крестный ход сопровождался колокольным звоном до места бу-

душей ярмарки, где был проведен молебен с водосвятием [38]. Освещение воды в церкви и колокольный звон были типичными элементами первого дня ярмарки. К примеру, современник так описывал Никольскую ярмарку середины XIX в. в г. Пинеге Архангельской губернии: «Ничем особенным не сказан первый день ярмарки. В единственной городской церкви, каменном соборе, освящали воду, звонили в колокола – да и только!» [39] В праздничные ярмарочные дни в церквях не только проходили богослужения, но и организовывались угощения для народа. В ходе Прокопьевской ярмарки (21 июля – день Прокопия Устьяновского) в с. Бестужево Архангельской губернии в деревянной церкви, наряду со службой, устраивали трапезы. Они назывались ссыпчиной, так как каждый из участников заранее вносил «ссыпь» – свою долю ячменя для варки пива. Позднее эта традиция даже легла в основу герба и флага Устьяновского района Архангельской области, где находится с. Бестужево [40].

Однако в большей степени неповторимый колорит придавали ярмаркам не торговля и религиозные торжества, а народные гуляния и разного рода увеселения, проходившие в ярмарочные дни и делавшие ярмарки особенно привлекательными для всех сословий и всех возрастов. Вместе с торговцами на ярмарку прибывали гастролирующие артисты, владельцы различных аттракционов. Многочисленные афиши зазывали людей поупражняться в кидании колец на столб, поиграть в русские кегли, посмотреть спектакли [41].

О характере типичных для ярмарок балаганных представлений можно судить на основании текста афиши с Маргаритинской ярмарки 1890 г. в г. Архангельске [42]. Организатором представления выступал солдатский сын Дмитрий Богданов, который предварительно пять лет учился у африканского акробата Залуэ-Кособи. Дмитрий Богданов «по примеру прочих» устраивал временный балаган на базарной площади. Представление включало следующие номера: «большое акробатическое и гимнастическое увеселительное представление; антиспиритические магические фокусы; гимнастические упражнения на разных воздушных висячих предметах; разные комико-юмористические-фантастические пантомимы; выходы клоунов, шутов; разные римские игры; комические рассказы и куплеты из русско-еврейских, малороссийских и армянских бытов; балансирование, жонглирование разных предметов; геркулесские арабские львиные прыжки и воздушные сальтомортали». Выступление сопровождалось музыкой [43].

Увеселительные представления не были типичны для всех ярмарок европейского Севера России. Они практиковались, в основном, в крупных торговых городах. Как отмечал путешествовавший по Архангельской губернии в середине XIX в. С.В. Максимов, «здесь к этому не привычны» [44]. Характеризуя Никольскую ярмарку 1860-х гг. в г. Пинеге Архангельской губернии, П.П. Чубинский писал, что «на время ярмарки нет никаких увеселений» [45]. Единственное зрелище представляла выставка лошадей и испытание их возкой тяжести. Особенно популярно было последнее, яв-

лявшееся для крестьян своего рода турниром, на котором выяснялось, чья лошадь более вынослива. Победителям состязаний вручались призы и премии. Мероприятие это было очень популярно среди участников ярмарки. О нем писали: «...как только тронется лошадь и пойдет, конечно, нервически скоро, вслед за нею летит почтенная публика сломя голову по глубокому снегу. И это повторяется за каждой лошадейю. Тут услышите довольно горячие прения, т.к. крестьяне принимают горячо к сердцу подобные состязания» [46]. Подобные «соревнования» проходили и в ходе Алексеевской ярмарки в г. Пинеге [47].

Несмотря на небольшой выбор увеселений, ярмарки, тем не менее, собирали большое число людей. Скоплением народа отличались не только крупные губернские ярмарки типа Маргаритинской в г. Архангельске, где «в праздничные дни, при хорошей погоде, не было проходу; балаганы набиты покупателями, а в узеньких проходах между балаганами не протолкаешься» [48]. Описывая имевшую местное значение Сретенскую ярмарку середины XIX в. в г. Шенкурске Архангельской губернии, современник отмечал: «Народа собирается много, а при большом народе гулянье бывает похоже на городское; молодцы и девушки, особенно последние, одетые хорошо и красивые, гуляют по улице и показывают себя и свои наряды» [49].

Ярмарки до неузнаваемости преображали города и селения европейского Севера России. «В сентябре месяце [1856 г.] я вернулся обратно в Архангельск и не узнал его», – писал С.В. Максимов, впервые увидевший этот город в дни Маргаритинской ярмарки, – «шум и деятельность имели характер огромного людного базара. Народности спутались, расшумелись, занятые сосредоточенно собственными интересами» [50]. Сравнивая г. Пинегу Архангельской губернии в дни ярмарки и в будни, он же отмечал, что в обычные дни город выглядит «тоскливо, безлюдно, как и всякий другой архангельский городок, бедный средствами и скудный жителями». Когда же приходит время Никольской ярмарки, город «шумит, как вообще шумит русский человек, когда он очутится на полном просторе, на широкой, собственной нестесненной воле... Далеко разносится ярмарочный гул» [51].

Неразвитость сети путей сообщения и сезонный характер основных занятий населения европейского Севера России в середине-второй половине XIX в. – промыслов – сделали периодическую форму торговли главной для региона. Ярмарки не только позволяли местному населению получать все необходимые для жизни предметы и средства, но и оказывали огромное влияние на развитие в регионе ремесла, культуры, способствовали созданию единого информационно-культурного пространства. Можно сказать, ярмарки являлись прообразом современной системы массовой коммуникации. Объединяя в своей структуре экономический, культурный и религиозный элементы, ярмарки стали универсальным средством для целостного и многостороннего развития не только отдельных регионов, таких как европейский Север России, но и всей страны.

Литература и источники

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2406. Л. 694.
2. Там же. Л. 430.
3. РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2961. Л. 483.
4. РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2991. Л. 848.
5. Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914. С. 51.
6. Чубинский П.П. Обзорение главнейших ярмарок Архангельской губернии // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 год. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 209.
7. Государственные архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 4. Оп. 23. Т. 1. Д. 410. Л. 1.
8. Романовский Н. А начиналось всё так... // Важский край. 2001. 9 ноября. С. 4.
9. О ярмарках. / Свод учреждений и уставов торговых. // Свод законов Российской Империи. Т.11. СПб., 1842.
10. ГААО. Ф. 4. Оп. 23. Т. 1. Д. 410. Л. 1-2.
11. ГААО. Ф. 4. Оп. 23. Т. 1. Д. 411. Л. 1.
12. Там же. Л. 6 об.
13. ГААО. Ф. 4. Оп. 15. Т. 1. Д. 244. Л. 1.
14. РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2961. Л. 483.
15. Чубинский П.П. Указ. соч. С. 209.
16. Романовский Н. Указ. соч. С. 4.
17. Там же. С. 4
18. Отчет о состоянии Архангельской губернии за 1886, 1887, 1888, 1889 гг. // Научно-справочная библиотека РГИА, т. 4.
19. ГААО. Ф. 4. Оп. 15. Т. 1. Д. 790. Л. 1, 6 об.
20. РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2332. Л. 1632об.; Архангельские губернские ведомости. 1876. 6 дек. № 94. С. 5.
21. РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2252. Л. 1650 об.
22. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 31. Л. 62 об.; Архангельские губернские ведомости. 1878. 8 (10) февр. № 11. С. 4.
23. РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2252. Л. 1651.
24. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 9 об.
25. Калугин В. Вселенский базар. Книга о рынках базарах и ярмарках, их истории и многообразии. СПб., 1998. С. 96.
26. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 21. Л. 1-23.
27. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 8 об.
28. Ярмарка // Архангельск. 1913. 11 окт. С. 4.
29. Романовский Н. Указ. соч. С. 4.
30. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 493.
31. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 9 об.
32. Романовский Н. Указ. соч. С. 4.
33. Шадрин. Летние и зимние гулянья Шенкурского народа и околгородных крестьян. Этнографический очерк // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 год. Кн. 1. Архангельск, 1866. С. 66.
34. Чубинский П.П. Указ. соч. С. 245.
35. Архангельские губернские ведомости. 1853. 21 февр. № 8. С. 65.
36. РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2991. Л. 842 об., 843 об., 844 об.
37. РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2991. Л. 843, 843 об., 846.

38. Романовский Н. Указ. соч. С. 4.
 39. Максимов С.В. Указ. соч. С. 494-495.
 40. Лимонова В. Собирайся, народ, ярмарка ждет // Устьяновский край. 2001. 19 июля. С. 1.
 41. Горбенко Л. Указ. соч. С. 11.
 42. ГААО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 1620. Л. 5.
 43. Там же. Л. 1.
 44. Максимов С.В. Указ. соч. С. 493.
 45. Чубинский П.П. Указ. соч. С. 245.
 46. Там же. С. 245.
 47. Архангельские губернские ведомости. 1876. 28 янв. (9 февр.). № 8. С.3.
 48. Ярмарка // Архангельск. 1913. 11 окт. С. 4.
 49. Шадрин. Указ. соч. С. 66.
 50. Максимов С.В. Указ. соч. С. 542.
 51. Там же. С. 495.
- Публикация осуществлена при поддержке РФФИ, проект №04-06-96001.*

О.В.Золотарев

**«ДЕЛО ГИГАНТСКИ ВАЖНОЕ»
(Применение новых методов просветительской работы
в Коми крае в 1920-1930-е годы: радио и кино)**

Одно из важнейших мест в просвещении народных масс под руководством пришедшей к власти в России в 1917 г. большевистской партии, занимала культурно-просветительная работа. Ее развитию в массах весьма способствовало то обстоятельство, что после Октябрьской революции потребность населения получить образование вне школьной системы чрезвычайно возросла. Именно поэтому коммунисты постоянно требовали усиления просветительной работы.

Как центральные, так и местные партийные структуры уделяли данному вопросу огромное значение. Об этом свидетельствуют многочисленные партийные документы, направленные на активизацию процесса культурного просвещения масс. Вопросы культурно-массовой работы коммунистических ячеек на местах всегда занимали немалое место в повестке дня всех съездов партии, проходивших в 1920-1930-е гг. При этом особое внимание уделялось развертыванию культурной работы на национальных окраинах, к коим и относился Коми край.

Помимо национальной специфики, особенностью Коми автономии в ведении просветительной работы было и то, что подавляющее большинство населения составляло полуграмотное крестьянство. В этих условиях чрезвычайно восприимчивыми оказывались те средства ведения агитационной и пропагандистской работы, которые не требовали хотя бы минимальной культурной подготовки населения. Следует заметить, что больше-